

16–16,5 аршин, строилась в 13–15 досок, ширина по бортам 20 четвертей (как у «сетовой»). Судно имело 3–4 пары гребей. На весло садилось двое рыбаков. Лодка работала на рыбных промыслах исключительно только неводом. Отсюда происходит и ее название (*Там же*).

У бурят-рыбаков с. Голоустного получили широкое распространение мореходки или барказы. Длина их была 12–14 аршин, а строили их обычно в 18–20 досок и упруг. Судно было рассчитано на 1–2 пары гребей. На весло садилось 3–4 чел. Плавсредство имело мачту с парусом, общая длина которого составляла 120–150 аршин². При «полном ветре» лодка ходила со скоростью 25–30 верст в час, а иногда и более. Ее максимальная грузоподъемность была 700–800 пудов. «Посуда» служила для перевозки различных грузов, хотя случалось, что ее использовали исключительно для транспортировки рыбы. В конце XIX в. По Байкалу ходили рыболовные суда типа морских лодок со средней грузоподъемностью около 6,5 тыс. пудов. цена такой лодки 6–8 тыс. р. и служила до 16 навигаций.

Следует иметь ввиду, что типы байкальских лодок не ограничивались теми, о которых мы упомянули. Современники отмечают, что встречались и другие образцы рыбацких судов.

Лучшим временем для сплава грузов на Байкале считается период с 10 июня по 10 августа, хотя навигация начиналась во второй половине мая и заканчивалась во второй половине ноября. Навигация проходила в сложных условиях. Серьезным препятствием являлись туманы, быстрое течение, недостаточные глубины. Именно поэтому суда с полной загрузкой не могли войти в Ангару, а перегружались у Лиственичной пристани на карбазы и лишь затем сплавлялись по течению Ангары.

Сплавной флот на Байкале не отличался большим разнообразием. Традиционно строили дощатки, паузки, карбазы, флотилию рыбацких лодок. Несмотря на простую конструкцию, они хорошо зарекомендовали себя в работе, перевозя пассажиров, разнообразные грузы, прежде всего рыбу, и тем самым в определенной мере обеспечивали хозяйственную жизнь Прибайкалья.

С.В. КОЛОСОК

МАТЕРИАЛЬНО-ФИНАНСОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЛУЖАЩИХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ (конец XIX–начало XX вв.)

Сложность комплектования и закрепления кадров тюремного ведомства в конце XIX в. вызывало необходимость установления законом льгот, которые обеспечивали бы моральный и материальный интерес продолжения службы. Правовая основа финансового обеспечения лиц,

состоящих на службе в пенитенциарных учреждениях, была создана в ходе проведения тюремной реформы.

Изменения по штатным должностям пенитенциарных учреждений были внесены 15 июня 1887 г. Положением «Об устройстве управлений отдельными местами заключения гражданского ведомства и тюремной стражи». Принятие вышеуказанного закона было весьма важным, так как это давало возможность «иметь выше оплачиваемый, а, следовательно, и по качествам лучший и более многочисленный состав служащих». Закон устанавливал 7 разрядов для начальников тюрем и 5 разрядов для их помощников в зависимости от наполняемости тюремного учреждения и его статуса. Например, должность начальника губернской тюрьмы относилась к первому разряду, и его оклад устанавливался не менее 1200 р. в год.

Впоследствии на основании вышеуказанного закона в 1887 г. было принято Положение о тюремной страже, которое окончательно определило должность начальника тюрьмы и его помощника. На одного смотрителя приходилось 14 арестантов, и он получал жалование в среднем 151 р. На одного надзирателя приходилось 10 арестантов, и средний оклад составлял 171 р.

Новые штатные единицы по Положению 1887 г. «Об устройстве управлений отдельными местами заключения гражданского ведомства и тюремной стражи», вводились на практике крайне медленно по причине недостаточности денежных средств в государственной казне. В частности, на Иркутскую губернию выше названный закон распространился только в 1912 г. (*Отчет по Главному тюремному управлению за 1912 год. М., 1913. С. 27*).

Следует отметить, что введению выше указанного Положения в определенной местности предшествовала тщательная и долгая подготовка. Создавалось впечатление, что центр пытался экономить при распространении новых штатов, а губернские власти пытались убедить Главное тюремное управление в необходимости дополнительного финансирования. Одним из ключевых аргументов выдвигался довод о непосредственном влиянии жалования на качественный состав надзирателей (*Печников А.П. Тюремные учреждения Российского государства (1649–октябрь 1917 гг.) М., 2004. С. 193*).

На основании закона 1887 г. были сокращены пенсионные сроки чинам тюремных управлений, позднее закон от 28 декабря 1892 г. установил единообразные правила назначения пенсий и пособий.

Согласно «Правилам об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях» 1886 г. государственные служащие любого ведомства в отдаленных местностях пользовались рядом льгот. Так, выделялись денежные пособия на подъем и обустройство хозяйством, выдавались проездные деньги на новое место службы, прибавка к жалованию,

единовременные пособия по выслуге каждые десять лет, дополнительные пособия на воспитание детей, льготные отпуска, пенсионные преимущества, зачет двух лет службы за три или трех за четыре года с сокращением срока выслуги для назначения пенсии. Впоследствии это нашло отражение в дополнениях к «Своду учреждений и уставов о содержащихся под стражей» (*Свод законов Российской Империи. СПб., 1911. Т. 14*), а так же в Устав «О пенсиях и единовременных пособиях» (*Там же. Кн. 2. Т. 3*).

Финансовое содержание чинов тюремного ведомства складывалось из должностного оклада, столовых денег, добавочного содержания за выслугу лет и квартирных средств. Квартирное содержание и столовые средства разрешалось получать в натуральном виде. Прибавочное жалование зависело от срока службы в пенитенциарной системе. На основании ст. 33 «Устава о содержащихся под стражей» прибавочное содержание полагалось тюремным надзирателям, успешно прослужившим определенный срок. При условии безупречной службы в тюремной страже в течение пяти лет назначенный оклад содержания увеличивался на одну треть, прослужившим десять лет к окладу добавлялась еще одна треть, прослужившим пятнадцать лет назначался за дальнейшую службу двойной оклад содержания.

Тюремные надзиратели освобождались от призыва из запаса в армию и в действующие команды флота, а также службы в государственном ополчении.

Все должности согласно ст. 359 и 362 «Устава о содержащихся под стражей» подразделялись на штатные, которые финансировались Главным тюремным управлением, и внештатных, содержащихся за счет экономических тюремных сумм и частично за счет средств заработанных непосредственно в тюремном учреждении (*Свод законов Российской Империи. СПб., 1911. Т. 14*).

7 июля 1913 г. в тюремном ведомстве Российской империи было введено расписание новых штатных должностей и окладов. Согласно расписанию:

Иркутская губернская тюрьма проходила по I разряду, а начальник тюрьмы имел IV класс по чинопроизводству с денежным содержанием 2 400 р.; его помощники: 1-й — 1 200 р., 2-й — 1 000 р., 3-й — 800 р.;

Балаганская тюрьма проходила по V разряду, а начальник тюрьмы имел VII классный чин с денежным содержанием 1 000 р.; его помощник — 600 р.;

Киренская тюрьма проходила по VI разряду, начальник тюрьмы имел VIII классный чин с денежным содержанием 800 р.;

Нижеудинская тюрьма проходила по IV разряду, начальник тюрьмы имел VI классный чин с денежным содержанием 1 200 р., 1-й и 2-й помощники — 800 и 600 р. соответственно.

Бодайбинской тюрьмы изменения не коснулись.

Тюремная стража в Иркутской губернии к концу 1913 г. состояла из 551 надзирателя, в том числе 19 старших надзирателей, одной старшей надзирательницы, 8 младших надзирательниц при тюрьмах и 165 надзирателей при внешних работах ссыльнокаторжных на Бархатовских каменноугольных коях, на Кругобайкальской железной дороге и на тюремной ферме Плишкино. Содержание надзирателей обходилось в год 209 010 р., размер жалования старшим надзирателям при тюрьмах колебался от 776 до 470 р., при отдельных командах ссыльнокаторжных от 600 до 500 р.; младшим надзирателям в тюрьмах от 411 до 294 р., а при командах для ссыльнокаторжных от 400 р. до 300 р. (*Положение по тюремной части и ссылки в Иркутской губернии в 1911–1913 гг.* С. 13). Надзиратели при командах ссыльнокаторжных пользовались продовольствием за счет заработанных сумм и квартирой. Надзиратели при тюрьмах в полной мере не были обеспечены казенными квартирами, однако к 1913 г. для надзирателей Нижнеудинской и Киренской тюрем были наняты квартиры, а для надзирателей Иркутской тюрьмы строились казармы.

Как свидетельствуют архивные документы, надзирателей, содержащихся за счет зарабатываемых арестантами средств, было весьма мало.

К середине 1913 г. содержание личного состава тюремной администрации и надзора определялось в 33 122 р., из которых средства казны составляли 25 750 р., из экономических сумм 3 472 р. и заработанных сумм 2 900 р. (*Там же.* С. 11). Все чины администрации обеспечивались либо квартирами, либо квартирными деньгами.

Закон от 15 июля 1887 г. относил состоявших при местах заключения священников, диаконов и псаломщиков к аппарату управления местами лишения свободы, а по должностному окладу священник приравнивался к начальнику тюрьмы. В Иркутской губернии штатный священник имелся лишь при каторжной тюрьме, он считался священником и Александровской пересыльной тюрьмы. В остальных тюрьмах службу исполняли местные священники за особое вознаграждение. Отсутствие штатных священников в тюрьмах Иркутской губернии объяснялось отсутствием финансирования. Поэтому функцию воспитания законопослушных граждан возложили на себя губернские попечительные комитеты.

Чиновники тюремного ведомства имели право и на путевое довольствие в случае вызова их к следователю или на суд по обстоятельствам, связанным с исполнением ими своих служебных обязанностей. Путевое довольствие классных чинов состояло из погонных и суточных, которые определялись в соответствии со ст. 978 (2) Устава уголовного судопроизводства (*Свод законов Российской Империи.* Т. 14). Низшим чинам путевое довольствие выплачивалось согласно ст. 279 Устава службы по определению от правительства (*Там же.* Т. 3). Если имел место переезд чиновника из одной местности в другую или необходимость отсутствия по семейным обстоятельствам, то это рассматривалось как увольнение

в отпуск и не влекло перерыва в службе (*Циркуляр Главного Тюремного управления. 1900. № 4*).

Тюремным чиновникам, имеющим большое семейство, выплачивалось пособие на детей по усмотрению начальства. Циркуляром 1917 г. Главное тюремное управление определило категории служащих, которые имели право на такие пособия: губернские тюремные инспекторы, их помощники и секретари, делопроизводители тюремных отделений и их помощники, начальники мест заключения и их помощники. При этом вышеуказанные чиновники должны были безупречно прослужить по тюремному ведомству не менее двух лет, иметь детей от девяти до восемнадцати лет.

Из всего вышеизложенного можно констатировать, что служащие пенитенциарных учреждений Иркутской губернии не являлись категорией высокооплачиваемых лиц. Заработная плата была достаточно невысокой, но стабильной и имела постоянную тенденцию к увеличению и сочетанию с выше обозначенными льготами.

В.В. КУДРЯШОВ

ССЫЛЬНЫЕ МЕНЬШЕВИКИ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СИБИРИ

Деятельность политических ссыльных в Сибири была многообразна. Ссыльные революционеры начала XX в. продолжили дело своих предшественников. Свои знания в отдельных областях они использовали в целях улучшения быта местного населения, повышения его культурного уровня, изучения края.

Заметный след в изучении Сибири оставил Н.А. Рожков. Он опубликовал в иркутский период своей ссылки ряд газетных и журнальных статей по сибирской тематике: «Мысли об истории церковной архитектуры в Иркутской губернии», «Исторический эскиз», «Землеустройство и население в Иркутской губернии», «Общее значение кооперации, в особенности для Сибири».

Самой крупной научной работой Н.А.Рожкова в период ссылки стало исследование «К истории народного хозяйства в Сибири. Экономический быт Макарьевской волости Киренского уезда в конце XVIII и первой половине XIX века», которая была напечатана в «Известиях ВСОРГО» в 1915 г. При написании этой работы Н.А. Рожков подтвердил сильные качества исследователя социально-экономических процессов. Несмотря на то, что район исследования был небольшим как по территории, так и по населению (7 000 кв. верст и 7 331 чел.), автор связал выводы по Макарьевской волости с общим развитием хозяйства Сибири. На основе конкретного исторического материала он пришел к мнению, что перед